

КИРА КОЖИ

КРОВАВАЯ ЛУНА

18+

Кира Коэн

Кровавая Луна

«Автор»

2026

Коэн К.

Кровавая Луна / К. Коэн — «Автор», 2026

Что делать, если твою душу продали ещё до твоего рождения? Есть лишь один способ избавиться от бремени проклятия — так сказала гадалка. Всю жизнь страдавшая от людской ненависти, Луна хватается за призрачный шанс без раздумий. Да только путь к исцелению лежит через Безмолвный лес. Все знают — оттуда не возвращался ещё ни один путник, ведь в густой сумрачной чаще обитает настоящее зло. Некогда дух, а ныне — порождение тьмы в шкуре жуткого волка, по слухам, жаждет одного — крови любого, кто забредёт в его владения. Страшная сказка для взрослых с атмосферой европейского фольклора, азиатской мифологии и луизианского вуду.

© Коэн К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Линия судьбы	8
Глава 2. Дальняя дорога	14
Глава 3. Зов сумеречных троп	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Кира Коэн

Кровавая Луна

Пролог

Туман — не редкость на болотах Уиллоу Бэй, но этой ночью он явился из ниоткуда. Словно живой, он не поднимался, а выползал. Из чёрных впадин между корнями кипарисов, из-под листьев кувшинок, из пасти аллигатора, что сдох ещё в прошлый ураган. Сперва лишь тонкие щупальца, белёсые, холодные, как пальцы мертвеца. Они тянулись по воде, оставляя за собой едва заметную рябь — как будто болото вздрагивало от прикосновения. А потом туман набрал силу. Он стекался в одну тяжёлую массу, плотную, густую, струился по замшелому настилу, и старые прогнившие доски стонали, будто помнили каждый сапог, что прошёл по ним.

Туман двигался не спеша, глотая звуки: ни плеска, ни кваканья лягушек. Птица, что кричала где-то вдали, вдруг захлебнулась и замолчала навсегда.

На безоблачном ночном небе, освещая путь, низко висела кровавая луна. Тропа к одинокому дому на отшибе давно поросла травой. Туман подбирался к нему снизу, скользил вокруг свай, облизывал столбы, на которых ещё висели оборванные, потемневшие от сырости ленты с прошлогоднего праздника урожая. Он поднимался выше, обволакивал покосившийся заборчик, цеплялся за ставни, которые хозяйка забыла закрыть, добрался до крыльца и остановился. Прислушивался. Принюхивался. Внутри пахло дымом, кровью, дешёвой выпивкой и чем-то ещё — сладковатым, женским.

Никто никогда не проводил ритуалы в кровавую луну. Всем известно — это дурной знак. Но Ирен считала иначе. Пускай затмение не сулит добра, она готова была рискнуть. Её время выходило. Ирен чувствовала это, чувствовала, как оно утекало, как болезнь вытягивала из неё все жизненные силы, всю энергию, молодость. Кожа стала тонкой, как высохший лист, под глазами залегли глубокие тени, а боль стала извечным спутником от рассвета и до заката. Но умирать в её планы не входило. Нет, Ирен ведь ещё так мало видела, так мало успела сделать... Всем известно, что в минуты отчаяния любые средства хороши. И пусть это была дурная ночь, но в ней явственно ощущалась огромная сила. Глупо было бы ей не воспользоваться.

Заскоружный ковёр отброшен в сторону. Доски под ним теперь украшал замысловатый символ, начерченный золой — маяк для призыва того, кого даже духи боялись называть. Рядом стояла глиняная миска, наполненная ещё тёплой, густой, почти чёрной кровью забитого петуха, а с ней бутылка с ромом — дар, что необходимо было предложить, — половина вылита в круг, половина ещё ждёт.

Ирен, измотанная, обессиленная, сидела на коленях, снова и снова повторяя свою песнь, похлопывая да постукивая ладонями по полу. Голос уже сорвался до хрипа, на пальцах выступила кровь, занозы отзывались болью при каждом ударе, а она всё хлопала — раз, два, три, — будто стучала в дверь, которую никто не открывал. Но Ирен не намеревалась так просто сдаваться. И мириться с тем, что было уготовано ей судьбой, тоже не собиралась, потому продолжала свой призыв с завидным упрямством.

Час, другой... Время шло, а никакого ответа, казалось, так и не будет. Слезы бессилия, солёные, жгучие, начинали душить, однако Ирен не останавливалась. Она уже не просила. Она требовала. И когда туман стал просачиваться в дом, надежда вспыхнула вновь.

Невидимой силой дверь отворилась. Он возник на пороге: высокий, в чёрном, цилиндр чуть набекрень, длинные волосы, скрученные в жгуты, точно змеи, трость с серебряным чере-

пом, что чеканила по полу, будто отсчитывая удары сердца. Кожа тёмная, как сама ночь. Глаза — два угольных провала. Шаги неспешные, расслабленные, ленивые.

Ирен затихла. Забыла даже, как дышать, глядя на ночного гостя с благоговейным трепетом. Тот подошёл совсем близко.

— Ром? — Голос низкий, бархатный, с хрипотцой. — Ты серьёзно, девочка? Это всё, что у тебя есть для меня?

Колкое замечание глухим эхом разнеслось по комнате. На губах мужчины застыла кривая ухмылка, и у Ирен внутри всё скрутило от внезапно охватившего тело страха.

Гость поднял бутылку и, не отрывая взгляда, отхлебнул из горла. Половину — одним глотком. Вытер губы тыльной стороны ладони.

— Вовсе нет.

Пути назад не было. Собрав всю свою решимость, Ирен встала на ноги и сделала шаг, оказавшись с мужчиной лицом к лицу. Пальцы дрожали, но она смотрела прямо в его лукавые глаза, пока расстёгивала пуговицы одну за одной. Цветастая ткань легко заскользила, и платье упало к ногам. Болезнь успела взять своё. Тело — кожа да кости, но грудь всё ещё оставалась тяжёлой, а бёдра мягкими. Ирен не прикрывалась, не стыдилась. Она торговалась.

Мужчина окинул её взглядом и подошёл вплотную. В воздухе отчётливо запахло кладбищенской землёй, дымом и чем-то металлическим. Он протянул руку, мягко коснулся её лица. Пальцы были холодны. Касание — и по коже пробежал импульс. Ирен невольно прикрыла глаза, отдаваясь этой невозможной силе, что исходила от него. Безоговорочно готовая отдать и всю себя.

Туман заволок мысли. Холод прикосновений обжигал пламенем, а вкус незнакомых губ пьянил, заставляя забытья. Кровать, захудалые простыни, тела, сплетающиеся в порочном танце... Всё будто смыло волной. Ирен не помнила, как оказалась там. Остались лишь ром на языке и ощущение, что внутри неё что-то переменялось, встало на место.

Уставшая, но как заново родилась.

Боль притупилась, страх куда-то исчез. Ирен медленно выдохнула, улыбнулась одними уголками губ и повернулась.

Он стоял у стены. Наблюдал. Ждал. Толстая сигара дымилась в его пальцах.

— Ну, — сказал он, выдохнув густые клубы в её сторону, — чего же ты желаешь? Так отчаянно и так настойчиво...

Казалось, ответ и так был ему известен.

— Жить. Я хочу жить.

— Все хотят.

— Ты ведь можешь помочь. Можешь исцелить. Дать второй шанс. Я знаю, это в твоих силах. Прошу...

— Конечно могу. — В глазах блеснуло пламя. — Однако у всего есть своя цена. Но тебе ведь и самой это прекрасно известно.

— Назови. Я готова. Терять мне уже нечего, — ответила она, но голос всё равно предательски дрогнул, что не укрылось от её гостя, и улыбка на его лице стала шире.

— Цена за жизнь должна быть соразмерной. Ты ведь понимаешь это?

— Понимаю, — кивнула Ирен и подползла к самому краю кровати. Поднялась и тут же снова упала на колени перед ним. — Только скажи. Тебе нужна моя душа? Я отдам её!

Гулкий смех тут же заполнил собой пространство. Ирен подняла голову. Мужчина приблизился, внимательно глянул в её серые глаза, а затем помог подняться.

— К чему мне твоя душа? В ней нет чистоты.

Готовая биться до последнего, Ирен уже открыла было рот, чтобы продолжить торг, когда пальцы — длинные, чёрные, с острыми ногтями — легли ей на живот.

— Я дам тебе годы. Но платой за них будет не твоя душа. Твоя дочь заплатит. Та, что уже зачата. Сегодня. Сейчас. Та, которую ты назовёшь в честь этой кровавой луны. Она тоже будет жить. Долго. Но душа её будет принадлежать миру мёртвых. С первого вдоха.

Повисла тишина. Только сигара шипела, роняя пепел.

Смысл слов доходил до Ирен с трудом. Весь мир будто остановился. Ей чудилось, что прошла целая вечность, но решение было принято за секунду. Она кивнула всего раз. Тогда он наклонился и оставил на её губах поцелуй — коротко, почти нежно.

— Сделка заключена, дорогая.

Надев цилиндр, он развернулся и зашагал к двери. Туман втянул и поглотил его силуэт. Дверь захлопнулась сама. В доме остались лишь дым и далёкий, очень далёкий смех, который будет преследовать Ирен всю оставшуюся жизнь.

Глава 1. Линия судьбы

Последний день Сытой Недели — празднества в честь проводов зимы — всегда гремел громче других в году. То был день, когда весь город решал, что можно жрать, пить, орать, пока стоишь на ногах. Последний выдох перед тем, как на долгие дни погрузиться в покаяние, потому что после этой ночи покаяться придётся всем.

Улицы тонули в цвете и запахах: жжёный сахар, ром с мёдом, горячее женское тело вперемешку с солью мужского пота. Перья, ленты, украшения из ракушек и камней летали повсюду. Кто-то смеялся до слёз, кто-то предавался любви прямо на мостовой, кто-то просто стоял в стороне и пил, пока глаза не становились мутнее воды в каналах, а кто-то уже валялся под телегой — не то перебрал, не то помер, — но ряженая толпа просто обходила его стороной. Дело привычное.

Музыка лилась отовсюду: кожаные барабаны, флейты из тростника, гитары, голоса, что пели о любви, о еде да о том, как хорошо быть живым, когда живым быть оставалось недолго.

Королевой фестиваля — символом изобилия, по традиции избранной жребием среди молодых девиц, — в этом году была восемнадцатилетняя девчонка с грудью, к которой хотелось прильнуть, и улыбкой, от которой хотелось умереть. Платье из живых цветов и тончайшего шёлка просвечивало, не скрывая ничего, что в другой день должно было оставаться секретом. Стоя на балконе в начале главной улицы, она бросала в толпу бусы, лепестки и поцелуи.

Внизу танцевали. Танцевали так, будто завтрашний день никогда не наступит. Падали, поднимались, снова падали. Юбки задирались, штаны спускались, и никому не было стыдно. Сегодня было дозволено всё.

По каналам плыли плоскодонные лодки, и в каждой — влюблённые, пьяные, счастливые. Они кидали в воду монеты, чтобы река помнила их имена. А на городской площади дожидалась своего часа гигантская фигура Короля Зимы из соломы и веток, с короной из цветов и одеждой из яркой ткани. Скоро она сгорит, медленно и красиво. Поговаривали, если долго вглядываться — в пламени можно увидеть судьбу.

Кабак «Под мостом» стоял в самом конце улицы, где брусчатка уже превращалась в гнилые доски, а раскидистые ветви плакучих ив даже днём скрывали от солнца. К слову, никакого моста рядом не было уже лет двадцать: развалился — а название так и прижилось.

Масляные лампы горели тускло, отбрасывая длинные тени на стены, сплошь увешанные всякой мелочовкой: забытые вещицы, зловещая маска из вороньих перьев — подарок от заезжего гостя с запада; череп козла, оленьи рога, маленькие тряпичные фигурки, рисунки да записки от редких посетителей.

Популярностью заведение не пользовалось. Местные почти никогда не добирались сюда в своём длинном шествии, успевая вдоволь наесться пирогов с патокой и напиться сладким пуншем ещё по пути. Да и в обычные дни столы чаще пустовали.

Наверняка из-за неё.

В городе её прозвали «аджэ». Старое словечко с далёких островов, которое привезли бывшие рабы много лет назад, когда Уиллоу Бэй ещё был крохотной деревушкой. Оно означало человека, внутри которого гнездилась сила, но не та, что была у жрецов и шаманов, а иная, тёмная. Сила, что сулит лишь порчу и непременно посеет несчастья. Спасибо матушке, которая не чуралась запретных практик, лишь бы не стареть, не скрывала этого, а напротив, выставляла напоказ и вела довольно разгульную жизнь, пользуясь неувядающей красотой и уводя мужей.

Стоило ли говорить, что в окрестностях Лу́ну, мягко говоря, не жаловали и старались обходить стороной.

Хозяин кабака один согласился принять её. Батист — добрейший мужчина в годах — чудом ещё не разорился и за работу платил не густо, но это уже больше, чем она могла надеяться. Да и принимать в качестве частичной оплаты выпивку девушка совсем не возражала. Главное не это, а то, что Батист, наверное, был единственным, кто не считал её чудовищем. Возможно, потому, что сам всегда старался видеть в людях лучшее, а возможно, из-за того, что она сделала для него.

Он был тогда совсем разбитый, а болезненные воспоминания о только что почившей жене терзали сердце каждую ночь. Он слышал её всюду: в завывании ветра в печной трубе, в скрипе половиц, в каждом шорохе.

Обычно Луна отказывала в подобных просьбах редких безумцев, решившихся на отчаянный шаг. Мёртвые пугали её до дрожи. Но Батист нравился ей, был с ней добр. Не в силах смотреть на застывшие в утомлённых глазах слёзы, она согласилась помочь, подарить ему последнее прощание с возлюбленной. Зная, что та смогла обрести покой, он смог найти его и сам. И с тех пор заменил ещё совсем юной девочке отца.

Дверь приоткрылась, брякнул колокольчик.

— Добро пожаловать!

Она подняла голову, но никого не увидела. По коже пробежал холодок.

Луна вздохнула и, наполнив кружку до краёв, поставила перед мужчиной, который сам уже практически лежал на стойке и разве что не похрапывал, но каким-то образом до сих пор ухитрялся пить. Кроме него, внутри только двое ещё сидели в самом углу: Густав — матёрый моряк с испещрённым шрамами и оспами лицом. Рядом — его приятель Эрвин — толстый, красный, с руками, что когда-то умело держали меч, а теперь лишь бутылку. Оба торчали тут с самого утра и в обед ещё устало спорили о «высоком», если судить по долетающим обрывкам разговора о смысле жизни. Лучшая стадия опьянения, по мнению Луны: убирать погром за такими обычно не приходилось. Теперь же кружка перед первым стояла пустой уже третий час, а он всё пытался высосать из неё хоть каплю. Второй же вовсю дрых с блаженной улыбкой за густыми усами.

— Эй, Лу! — раздался за спиной голос Батиста. — К тебе там посетитель!

Она ещё раз оглянулась на дверь, будто ждала, что кто-то всё же войдёт. Сквозняк. И всё. Луна развернулась и направилась в заднюю часть помещения.

Её крохотную каморку можно было назвать просторной кладовкой или очень маленьким кабинетом. В комнатушку влезали только стол, крупное плетёное кресло и два стула, но теснота даже шла на пользу гнетущей, давящей атмосфере. Вместе с многочисленными склянками, порошками, вязанками сухих трав и мелкими костями животных на полках. Это то, что и хотели видеть те, кто нет-нет да и заглядывал тайком. Кому от боли избавиться, кому ещё от какой хвори, а кто надеялся, что талисманы аджэ, пусть и опаснее, но посильнее обычных будут.

Внутри стоял густой запах ладана — не чистого, а жёсткого, привозного, с горькой нотой сандала и чего-то металлического. Луна жгла его вечерами, но всё равно чувствовала, что этого мало. Дыма никогда не хватало, чтобы отделаться от ощущения незримого чужого присутствия.

В комнате её ждал Олан. Все знали Олана как чудаковатого старого пьянчугу и бродягу. Поговаривали, у него имелся собственный дом, но никто никогда его не видел, как не видел и самого Олана за какой-либо работой, кроме попрошайничества.

На вид ему было лет сорок, иногда и все шестьдесят. Так сразу и не скажешь. Но глаза такие, будто он видел, как строили первые городские стены. Лицо испещряли морщины, нос красный, лопнувшие сосуды — следы многолетней дружбы с бутылкой. Потрёпанный сюртук висел на нём мешком; рубаха, когда-то белая, теперь могла бы слиться с грязной мостовой;

штаны держались на верёвке, а заплатки были нашиты одна на другую. Сапоги на удивление блестели, и, пускай подошвы были уже надорваны, Олан обычно гордо называл их «мои парадные».

Местный бродяга не был из тех, кого сторонились. Наоборот, дети бегали за ним табуном: он показывал им фокусы и рассказывал байки то про великанов, то о маленьких волшебных существах, что живут под половицами и в тайне, когда все спят, помогают по хозяйству, если оставить им ложечку мёда. Взрослые тоже не брезговали подавать ему хлеб, сыр или монету, потому что «Олан безобидный, как старый пёс, только воняет крепче».

Сейчас же он сам на себя не походил. Сидел весь, как натянутая струна, руки беспокойно теребили потёртые штанины. Седеющие волосы, покрытые слоем пыли, торчали во все стороны, а дурной взгляд метался из угла в угол, пока не остановился на вошедшей девушке.

Луна молча упала в кресло, закинула обутые в тяжёлые сапоги ноги на край стола и отбросила за спину длинные чёрные волосы. Тихо брякнули бусины и металлические украшения, вплетённые в несколько тонких косичек под густой копной.

Всё так же молча, словно намеренно игнорируя гостя, она достала из тайника деревянную шкатулку. Внутри — несколько тонких скруток из кукурузных листьев, плотно набитых травами. Луна взяла одну, помяла в пальцах, а Олан теперь как замороженный глазел на блестящие массивные кольца и кружевные узоры чернил на её руках.

Пламя поднесённой свечи осветило белое лицо. Луна прикурила, ненадолго задержала дым в лёгких, медленно выдохнула и только потом обратила свой взгляд к Олану.

— Чего хотел?

— Кошмары, Лу! Ужасные кошмары! Там, у реки, по всей мостовой! Каждую ночь... Завывают. Мёртвые! Как пить дать мёртвые стонут! Закрываешь глаза — и они тут как тут. Всюду! Тянут свои лапы, хотят схватить, вывернуть мозги наружу!

— А ты уверен, что не перепил? Горячку словил, вот и привиделось...

— Обижаешь! Я свою норму знаю. Да и ты ж меня знаешь, крошка Лу! Точно тебе говорю, поселилось там что-то! Донимает, спать не даёт. Третий день глаз сомкнуть не могу, — начал тараторить он, точно заведённый, но Луна оборвала его, выставив ладонь.

— Так, тсс! Стой! — Олан, как по команде, замер и притих. — Мы уже говорили об этом. Я таким не занимаюсь. Продать амулеты, намешать сбор — это можно. Ну, или карты разложить, если ты в подобное веришь, конечно... Клиентам нравится, особенно залётным, издали, — равнодушно пожала плечами она, а затем, нахмурившись, продолжила: — Но то, о чём ты просишь...

— Пожалуйста, Лу! Я так устал! Не могу больше! Страх берёт — с ума схожу!

— Прости, приятель, но я милостыню не раздаю и даром не работаю, — усмехнулась она в ответ и сделала ещё затяжку.

— Так я же заплачу!

Олан вскочил и принялся шарить по карманам на перевязи, выкидывая на стол дубовые пробки, горсть отполированных камней, смятый лист бумаги и пяток монет, отчего Луна рассмеялась в голос.

— У тебя столько нет, Олан. Перестань. Я бы всё равно не согласилась. Но вот, возьми лучше это. Обещаю, уснёшь как младенец, — улыбнулась она ему, протягивая одну из скруток. Олан уставился с недоверием.

— Т-т-точно поможет?

— Когда я тебя обманывала? Эй, это моё величайшее творение! Гибрид. Сама вывела! Пассифлора снимет тревогу, шлемник расслабит тело, а болотный шалфей очистит мысли. Стоит того, уж поверь. Но упрашивать не стану. Хочешь — бери, а нет — так проваливай ни с чем, — развела руками Луна и снова рассмеялась, когда Олан стремительно схватил предложенное снадобье и, окрылённый, выскочил на улицу через заднюю дверь.

— Да! Чуть не забыл!

Его голова вновь показалась в проёме. Он неуклюже протиснулся обратно, отыскал среди вываленных на стол «богатств» комок бумаги, аккуратно расправил грязными пальцами и нетерпеливо застучал по выведенному рисунку. То была листовка с приглашением на ярмарку. Странствующая труппа из далёких земель в этом году добралась до Уиллоу Бэй и раскинула шатры как раз к празднику. Луна слышала, что народ был в восторге, а обычно пустующую поляну всю неделю наводняла толпа. Потому и не совалась туда сама, хотя, стоило признаться, любопытство так и подмывало глянуть всего одним глазком.

— Тебе стоит пойти, — уверенно заявил Олан. — Может, ещё успеешь. Сегодня их последний день.

— Зачем? Мне и тут неплохо.

Тот сощурился лукаво. Будто видел её насквозь. Пододвинул листовку к ней ближе. Настаивал.

— Сходи. Слышал, гадалка там не предсказывает, а видит всю твою судьбу от первого до последнего дня. Кто знает, вдруг правда... Если так, может, она поможет избавиться от твоего бремени.

Она не ответила. Похлопав её по плечу, Олан кивнул, поблагодарил за подарок и удалился, оставив девушку в тишине обдумывать его слова. Вот только времени на раздумья толком не оставалось.

Попытка не пытка.

В конце концов, что ей было терять?

К моменту, как Луна покинула кабак, праздник уже отгремел. Фигура Короля Зимы тлела на площади, выбрасывая в небо последние искры. Город медленно засыпал пьяным сном, улицы почти опустели. Остались только вонь перегара, раздавленные пироги да цветы, что хрустели под подошвами. Кто-то блевал в канаве.

Впереди маячила хрупкая фигура. Луна замерла на мгновение. Девочка, маленькая, мокрая насквозь, беззвучно плакала. Кожа синяя. Платице прилипло к костям. С тёмных, похожих на водоросли волос без остановки капало. Девочка озиралась по сторонам, словно искала кого-то. В затянутых белёсой пеленой глазах читались страх и отчаяние. Побледневшие губы шевелились, но слова не слетали с них.

«Мама... Мама?» — прочитала Луна, подойдя ближе.

Два запоздалых гуляки неровной походкой шли навстречу. Девочка бросилась к ним, но те прошли мимо, даже не повернув головы.

Луна поняла: девочка не знает, что умерла.

С этими намного проще. Не показывай, что видишь их, — и они не станут донимать.

Привычным движением опустив капюшон накидки, под которым всегда скрывалась во время прогулок по городу, Луна тоже отвернулась и ускорила шаг.

Чем дальше, тем больше редели и мельчали домушки. На окраине было уже совсем тихо, но кое-где ещё горел свет. Неприятное ощущение чужого взгляда заставило притормозить. В одном из окон торчали макушка, глаза и нос. Ребёнок с любопытством таранился на неё, неумело стараясь быть незаметным. Обычно это раздражало, но сейчас показалось даже забавным. Раз уж ей выпало стать той, кем родители пугают своих чад и о ком рассказывают страшилки, почему бы не принять правила игры?

Она развернулась к дому, уставилась в ответ, а потом подняла руки, изображая когтистые лапы, скорчила страшную рожицу и резко дёрнулась, будто собралась рвануть вперёд. Застигнутый врасплох ребёнок испуганно выпучился и быстро пригнулся, скрываясь за стеной. Луна слабо улыбнулась своей маленькой пакости и продолжила путь.

Ярмарка тоже готовилась ко сну. Посетителей было не видать, лишь жонглёры собирали ножи, да смахивали опилки со столов.

Костры догорали. Полотнища шатров тяжело колыхались. Фонарики из вощёной бумаги раскачивались на верёвках, и в каждом ещё дрожал крошечный огонёк. Над помостом провисал канат. Повозки выстроились в ряд: дракон, шут, русалка — краски облупились, улыбки потрескались. Между ними висел костюм арлекина, сшитый из сотен лоскутов. Он медленно поворачивался, хотя ветра не было. Пустой.

Перед шатром гадалки стояла вывеска — старая доска, потемневшая от дождей. Крупными витиеватыми буквами была выжжена надпись: «Провидица мадам Мари», под ней — песочные часы. Ниже мелкая подпись: «Входи только раз».

Луна вдруг почувствовала себя глупо. «Всё это — ерунда для доверчивых дураков», — подумала она. Однако, вопреки сомнениям, что-то заставило её шагнуть внутрь.

Шатёр пустовал. Свечи на круглом столике почти догорели, воск натёк на карты.

Неужели опоздала?

Луна огляделась, но ничто не намекало на чужое присутствие. Как вдруг позади раздался голос.

— Пришла всё-таки.

Она словно возникла из воздуха. Луна вздрогнула, обернулась. Женщина невозмутимо прошла вперёд. Лицо сокрыто вуалью, в волосах — диковинные шпильки из золота, наряд — необычный для этих мест, многослойный, рукава широкие, точно крылья редкой птицы; алый атлас струящийся, лёгкий, слишком дорогой для кочующей обманщицы. Уж Луна-то знала — свою любимую красную накидку сшила сама из старых тряпок матери, а та умела найти состоятельных мужчин, которые отблагодарят роскошным подарком.

— Вы... и есть предсказательница? Мадам Мари?

— А ты видишь здесь кого-то ещё? — уклончиво ответила та, устраиваясь за столом. — Проходи. Садись. Я ждала тебя.

Голос мелодичный, юный. Совсем не то, чего она ожидала.

Гадалка терпеливо ждала и, когда Луна, наконец, не спеша опустилась напротив, откинула вуаль. Взору открылось лицо, неожиданно молодое и невероятно прекрасное: кожа светлая, глаза чуть раскосые, как у кошки, черты правильные, плавные, притягательные. Луна поймала себя на том, что откровенно пялилась. Ну не могла эта девчонка быть какой-то там провидицей. Принцессой, скорее. Танцовщицей, сиреной, любовницей, на худой конец.

— Я... Простите, кажется, я совершила ошибку.

Луна собиралась встать и уйти, но девушка схватила её за руку.

— Нет! Ты там, где должна быть!

Тело вдруг парализовало, и её будто прошибла молния. Пальцы гадалки были ледяными, но прикосновение обожгло запястье.

— Вижу. Вижу, что тебя гложет, — забормотала та, не ослабляя хватки. — Ты тонешь в ненависти, но в том, что твоя мать взяла на себя слишком много, нет твоей вины. Ты поймёшь своё предназначение и сможешь найти покой, но только в правильном месте.

Сердце застучало быстрее. Она не могла знать... Не могла ведь? Или местные разболтали? Луна отдернула руку, и гадалка разжала пальцы.

— Размытые фразы. Конечно... И что толку? В правильном месте? И где же оно?

— Там, где Боги услышат твои молитвы.

— Если Боги и слышат, то им плевать. Я молила всю жизнь. Молила избавить меня от проклятия, но всё тщетно.

— Потому и нужно особое место, священное. Ты ведь знаешь, что даже Богов, как и всё сущее, сотворила Великая Мать. Говорят, если желания искренны и чисты, если воззвать к Великой Матери у Первого Древа, Древа Маву, она ниспошлёт свою милость.

Губы гадалки тронула печальная улыбка, и Луне это почему-то совсем не понравилось.

— Что ж... Раз мадам Мари видит всё, может, она скажет и как найти это древо?

— Лишь ты сама сможешь отыскать путь. Свой путь. Мне же под силу только направить.

— Ну, разумеется...

— Безмолвный лес, — внезапно выпалила гадалка. — Ты найдёшь Древо Маву в Безмолвном лесу. Там, где кончаются тропы, куда не проникает солнечный свет.

— Безмолвный лес? Тот самый?

Ею неожиданно овладел страх. Луна слышала, что говорили другие, всегда шёпотом, боясь навлечь беду одним упоминанием леса, полного нелюди, в котором когда-то поселилось настоящее чудовище — проклятый дух, что насылает несчастья, отравляет земли, крадёт юных девушек и питается человеческой кровью. Слухи о волшебном месте, способном исполнить сокровенное, тоже до неё доходили, вот только...

— Путники ведь с давних пор там пропадают.

— Самая ценная награда всегда ждёт в конце самого опасного пути, — произнесла гадалка, подняв на девушку внимательный и такой же печальный взгляд. — Решиться или нет — дело твоё. Подумай и ответь сама себе, на что ты готова пойти. Доверься нутру, прислушайся, прими то, что рвётся наружу, и ты найдёшь ответы, которые исцелят душу.

Глава 2. Дальняя дорога

Говорят, «ищите и обряцете», но никто не говорит, где именно нужно искать и к чему это в итоге тебя приведёт.

— Ты ведь не всерьёз, правда? — пробасил Батист. — Скажи, что не собираешься лезть в это проклятое место лишь из-за того, что наплела какая-то там гадалка.

Луна стыдливо поджала губы. Ей было совестно перед ним, этим здоровым чернокожим мужиком, для кого-то даже наверняка пугающим, но для неё ставшим родным за все эти годы. Он глядел с беспокойством. Единственный, кто на самом деле огорчился бы, исчезни она навсегда.

— Тебя там не было. Эта девушка, она говорила вещи, которые... Не знаю даже, как объяснить. Это нужно было просто почувствовать. То, что я испытала, когда она взяла меня за руку... Ни на что не похоже. Она не лгала. Я это нутром чую, понимаешь? К тому же, я не могу так больше. Не хочу видеть неприкаянных, а живые не хотят видеть меня. Ни те, ни другие не оставят в покое. Ты и сам знаешь. Мне нет здесь места. Поэтому, если есть хоть шанс, я готова попытаться. Я должна.

Луна взяла его ладонь, большую, тёплую, мозолистую. Мужчина отвёл взгляд, вздохнул, покачал головой в ответ своим каким-то мыслям. Проговорил полущёпотом:

— А если сгинешь там?

— Тогда хотя бы быстро. А не по кускам, как здесь. Все мы записаны в должники Смерти ещё с рождения. А чему быть, того не миновать.

Он посмотрел на неё. Долго. Затем хорошенько отхлебнул из бутылки, грохнул об стойку. Кивнул на разложенную карту.

— Ладно, маленькая бестия, рассказывай! Какой у тебя план?

— Не уверена, — задумчиво пробормотала Луна.

На бумаге всё выглядело таким близким, но в реальности ей предстоял путь на самый восток материка, к месту, что когда-то являлось богатейшим регионом, но пришло в упадок, — городу Хайвейл, окружённому горными хребтами с одной стороны и непроглядной чащей с другой.

— Думала отправиться на север, может, кто подобрал бы по пути, но из-за гор крюк выйдет слишком большой.

— Нет, наземных торговых путей уже лет десять как не осталось: всё поросло, а где не поросло — там размыло. Опасно это. В топах маршруты знать надо. Там если и встретишь кого, так только если на запад. В порт тебе нужно, корабль искать. Целее будешь.

— Да кто же меня на корабль-то возьмёт? И так баба — к беде, а уж такая, как я...

Раскатистый всхрап прервал разговор. Резко дёрнувшись, икнув, Густав, который дрых тут, похоже, со вчера, разлепил тяжёлые веки. Поморщился, невнятно промычал что-то, обдав кислым дыханием.

Привычным движением Луна поставила перед ним обжаренный солёный хлеб и долила браги.

Тот жадно приложился, закусил, прочистил горло и расплылся в довольной, ещё полусонной хмельной улыбке. Проурчал гулко:

— А-а-а! Хорошо! — Причмокнул. Постучал по столу, кивнул куда-то за спину. — Со мной можешь отправиться.

Луна сперва не поняла, но, как только смысл слов дошёл до неё, просияла.

— Правда? Можно?

— Славная ты девочка, знаешь всегда, как уважить старика. Почему нет? Мы сами на север идём, но остановимся в гавани по пути, запасы пополнить. Оттуда как-нибудь уж доберёшься своим ходом. Но только чтоб никто тебя не видел, поняла? — неожиданно строго рявкнул Густав и снова икнул. — Приходи затемно, выделю тебе местечко в трюме. Но долго не думай! Ждать не стану. Отходим на рассвете.

— Да, да, я поняла! Спасибо!

— «Спасибо» не булькает, — хмыкнул тот, прикончив кружку. Кокетливо подмигнув, Луна налила ещё.

— Точно! За счёт заведения.

— Ай, ну хороша! — нараспев протянул старый моряк.

Девушка с гордо поднятой головой повернулась к Батисту.

— Ну, кажется, теперь у меня всё схвачено.

— Уверена, что хочешь этого? — ещё раз решил уточнить он.

— Ни в чём ещё не была так уверена.

— Что ж, коль отговорить всё равно не смогу... Ступай. Но только вот, возьми с собой, — добавил мужчина и выложил перед ней на стол клинок: рукоятка, оплетённая кожаным шнуром, без гарды; лезвие короткое, тонкое, с односторонней заточкой и острым концом. Клинок потёртый, явно повидавший многое, но всё ещё пригодный. Маленький, удобно спрятать в рукаве или за поясом.

— И одежду возьми поплотнее. Холодно там.

Она нежно улыбнулась и позволила Батисту заключить её в медвежьи объятия — крепкие, грубые, аж кости хрустнули, но ей было всё равно. Луна уткнулась лицом в его пропахшую дымом и потом рубаху и вдохнула поглубже, впитывая, запоминая.

— Спасибо. Возьму.

«И тебя возьми. В сердце»

— Ну всё, ступай. И береги себя. А если вернёшься — я буду здесь.

Она усмехнулась, взяла клинок, свернула карту и бодро помахала напоследок.

— Если вернусь — нальёшь!

У самой двери Луна остановилась, вспомнив, что хотела сказать.

— Да... И попроси кого-нибудь проверить воду возле площади, напротив лавки пекаря. Думаю, там утонул ребёнок.

Дом, как обычно, встретил пустотой, холодом и затхлостью. Она пришла проститься, но едва ли станет скучать. Только сейчас, окинув всё взглядом в последний раз, поняла это.

Ветхая ограда давно покосилась, как и ставни. Всё заросло травой и мхом. Доски тоскливо скрипели даже от сквозняка. Сырая земля глотала сваи, и вся конструкция с годами поехала, словно сгорбилась под тяжестью царившей здесь безнадёги. Кое-где сажа въелась настолько, что не смывалась дождями. При одном взгляде на сохранившиеся с пожара следы, старые шрамы, скрытые под узорами татау, вновь начинали зудеть.

Искать помощи тогда, как, впрочем, и сейчас, было негде. Ухаживать — тоже некому, а одна она не справлялась. Батист вызвался, пытался подлатать, исправить, на что хватало рук, но возраст уже брал своё. Был ещё Урбен — мальчишка кузнеца, который одно время бегал за ней тайком, но несколько розг от отца и серьёзный разговор с матерью, настрого запретившей связываться с бедовой девицей, отвಾದили влюблённость вместе с молодым помощником довольно быстро.

Вытоптанная тропинка и осевшее крыльцо — все в свежих помоях; то тут, то там разбитые яйца да гнилые овощи. На обугленной стене криво выведено золой «аджэ». Тур¹ из кам-

¹ Тур (гурий, каирн) — это искусственная груда камней, часто конической формы, имеющая древнее происхождение,

ней на могиле матери, что покоилась на заднем дворе, ведь на кладбище её не приняли, был снова развален.

Детвора ночью порезвилась на славу.

Луна вздохнула. Люди постоянно приговаривали, мол, нет ничего лучше дома, но можно ли назвать домом место, о котором и не вспомнить ни крупинцы радостного? Жизнь здесь теплилась только в небольшом садике, где девушка заботливо растила ароматные травы для чая, мазей и обрядов; для себя и на продажу. Подойдя к веранде, Луна любовно провела пальцами по вьющейся вдоль перил лозе своего драгоценного гибрида, что дарил блаженный покой телу и мыслям; бережно коснулась бархатистых тёмных листьев с фиолетовым отливом, сорвала несколько; наклонилась к иссиня-чёрным цветкам. По ночам они пахли сильнее, но и сейчас источали приятный аромат, сложный: сладкий анис, влажная земля, лёгкая нота ладана. В жару запах ощущался за десяток шагов.

Вот по этому она станет скучать, а в остальном разве держало ещё что-то? Может, и правда стоило оставить этот дом, это город давным-давно? А она — просто трусиха, которая раз за разом выбирала знакомую боль перед неизвестностью?

Быстро собраться и отправиться в дорогу... Как же! Время тянулось невыносимо медленно. Луна вся извелась, успела тысячу раз обойти дом в поисках того, что могло бы пригодиться в путешествии, и тысячу раз осознать, что все её пожитки уместятся в одну сумку. Вне зависимости от того, на сколько она планировала уехать. Запасное платье, коробочка с нарезанными и уже скрученными травами — выкурить, успокоить нервы, одолеть бессонницу; несколько маминых побрякушек, если вдруг понадобится что-то продать; огниво да мешочек с монетами, которые удалось скопить... Жалкое зрелище. Но вообще-то даже удобно по-своему. Всегда проще передвигаться налегке. Тем более, если не знаешь, как далеко придётся зайти.

Наконец время пришло. Луна пробралась к причалу в полной темноте. Город затих, только собаки лаяли где-то вдали, да волны шуршали. Корабль стоял у пирса старый, потемневший. Имя на борту уже не читалось.

Сгорбившись под накидкой, она проскользнула по трапу. Густав ждал возле люка, кивнул, показал место в трюме среди бочек, сетей и сена. Вонь внизу ударила сразу: соль, рыба и тина. Но всё лучше, чем попадаться на глаза. Луна забилась в угол, свернулась как крыса. Вскоре корабль отошёл от берега — и началась тряска. Теперь оставалось лишь затаиться и ждать.

Три дня в темноте. Свет пробивался только через щели — тонкими полосами днём, слабым серебряным мерцанием ночью. Судно качалось, скрипело, стонало под тяжестью волн. Каждый толчок — будто удар по рёбрам. Желудок был пустым, но горькая желчь с непривычки просилась наружу. Луна сидела на колючем стоге, прижав колени к груди, а кулак ко рту, чтобы сдерживать позывы, дышала медленно и неглубоко. Слушала плеск, храп моряков наверху, гулкие удары сердца.

В первый день было страшно. Она закрывала глаза, но легче не становилось. Наоборот, всё качалось и кружилось сильнее. При мысли о том, что она застряла посреди бесконечной воды, где суши не видать, куда ни глянь, шторм может накрыть в любой момент, а в глубине — вообще неведь что, становилось, мягко говоря, не по себе.

Густав спустил немного хлеба, но в таком состоянии кусок не лез в горло, а вот бутылка с остатками рома пришлась весьма кстати. Луна выпила залпом. Тепло разлилось по венам, чувства притупились. Достаточно для того, чтобы расслабиться и не думать о том, какие ещё сюрпризы поджидали впереди.

На второй день тошнота усилилась. Затхлый воздух делу совсем не помогал. Вкус моря осел на губах. Луна дышала через ткань накидки, считала доски на потолке, ждала. Потом решила закурить, осторожно, отойдя подальше от соломы, совсем чуть-чуть. На удивление сработало: желудок угомонился, голова стала пустой.

К третьему дню было уже и плевать как будто. Привыкла. Корабль шёл ровно. Качка превратилась в колыбельную. Луна открыла глаза и посмотрела в щель наверху. Небо, вода, горизонт — всё сливалось в одно. Одинаково далёкое и одинаково близкое.

К рыбацкой деревушке они подошли на рассвете четвёртого дня. Густав отрыл люк, рявкнул:

— Ну всё, вылазь. Дальше пешком.

Кое-как на затёкших ногах Луна выбралась. Холодный ветер хлестнул по лицу как пощёчина. Она вдохнула полной грудью и впервые за долгое время почувствовала странную лёгкость. Стоило ощутить твёрдую землю под ногами, как от бывшего беспокойства остался один слабый отголосок. Замечательно! Первый пункт плана выполнен. Вот только план её был настолько продуманный и надёжный, что пункты «два» и «три» Луна придумать не удосужилась.

Всегда ведь можно плюнуть на всё, убежать куда-нибудь, где не ступала нога человека, соорудить себе лачугу и больше никогда не возвращаться в мир. И без того жила почти как отшельница...

Ненадолго Луна впала в ступор, не зная, куда себя деть. Растерянно огляделась.

Хотя деревушка была маленькой, неказистой, бухта завораживала: кругом бушевала сочная зелень, мягкий песок белел вдоль линии берега, а голубая вода была такой чистой, что можно разглядеть мелких рыбёшек. Повсюду были развешены сети, там же сушились водоросли, рядом — корзины с моллюсками.

Люди уже всюю копошились: женщины потрошили рыбу, детвора удирали от набегавших волн, мужики матерились над лодками, кто-то ругался со спящими мимо матросами.

Густав кивнул на скрючившуюся у костра старуху.

— Спроси у бабки Айше. Она всех знает.

Луна подошла, опустила капюшон. Старуха сидела на корточках и быстрыми, отточенными, слишком ловкими для её возраста движениями счищала чешую и вспарывала брюхи.

— Доброе утро, — проговорила Луна тихо, по привычке опасаясь. — Мне нужно в город. Не знаете, кто может довезти?

Бабка подняла глаза, смерила цепким взглядом.

— Давненько никто не спрашивал... Чего ж там ловить теперь? — буркнула она в пустоту. — Дороги сейчас совсем плохи, разбойники нет-нет да и появляются... Но Темир с телегой ездит, соль и рыбу возит раз в месяц. Сегодня как раз собирается. Вон он, у конюшни.

Поблагодарив старуху, Луна направилась к мужчине. Крупный, плечистый, хмурый, тот запрягал мула и дружелюбным совсем не казался.

— Мне сказали, вы едете в Хайвейл. Подбросите?

— Дорога тяжёлая. И недешёвая.

— Монеты есть.

Мужик помолчал немного, почесал бороду, сплюнул.

— Садись. Только чтоб без нытья, ясно? Сопли подтирать не стану. Чуть что — в канаву скину. Поняла?

Гордо вскинув голову, Луна запрыгнула назад, уселась между мешков с солью. Жестом показала: её рот на замке, хлопот не будет.

Мул заржал, тронулся. Телега закрипела по ухабам.

Тащились они медленно, косо. Колёса то подсакивали на камнях, то ухали в ямы. Луна сидела на мешках, спиной к Темиру, лицом к дороге. Ветер нёс запах сухой травы и заставлял плотнее кутаться в накидку. Ткань грела, но и о матери не позволяла забыть даже вдали от родных болот. В памяти невольно всплывали обрывки: пропущенные обеды, танцы до поздней ночи, где мужчины глазели с жадностью, а женщины — с завистью; то, как она велела сидеть тихо и не мешать, когда в очередной раз приводила чужака в дом...

Темир молчал. Иногда кашлял, сухо так, надсадно. Иногда напевал что-то под нос. Слов Луна не понимала или не могла разобрать.

Дорога поднималась. Мимо проплывали поля — выжженные, пустые. Лишь редкие стебли ржи загибались и клонились к земле. За ними — иссохшие деревья. Постепенно и острые верхушки гор начали вырисовываться всё чётче.

К тому времени как уставший мул доковылял до Хайвейла, прошло уже больше половины дня. От колдобистых дорог и долгого неудобного сидения колени ныли, а зад совсем онемел. Размяв немного затёкшие ноги, Луна зашагала вдоль главной улицы.

В кабак временами заглядывали приезжие, и некоторые любители потрепаться и о здешних местах рассказывали. Когда-то этот город процветал, был жемчужиной региона: изогнутые крыши блестели на солнце, каналы наполняли лодки с парусами из бамбуковых рей, бумажные фонари освещали сады с прудами и каменными мостиками, оживлённые рынки с шелками, специями и чаем кишели людьми в богатых одеждах. Поля вокруг зеленели рисом, а стада буйволов и свиней обеспечивали мясом, молоком и шерстью. Хайвейл дышал гармонией.

Теперь же можно было лишь диву даваться, насколько всё пришло в запустение. Каналы обмелели, земля высохла, потрескалась. Кое-где крыши некогда роскошных домов провалились, внизу лежали осколки черепиц, ширмы истлели, а плющ оплетал фасады.

Мухи кружили над упавшей возле пустой кормушки тушей козла.

Над заросшим бурьяном прудом возмущённо крикнула не нашедшая обеда цапля. Мелькнула тень. Бледная дама в дорогом наряде растерянно застыла, словно искала что-то, но никак не могла найти, а следующий миг растворилась в высокой траве. Луна прикрыла глаза, отвернулась резко и поспешила пойти дальше.

Уличный рынок стоял полупустой. В редких корзинах лежали сплюшь корни да порошки, немного яиц, кое-где встречались горшки с соленьями. Мимо вяло переставляли ноги тощие фигуры в выцветших платьях, ребятя со впалыми щеками тихо сновала вдоль рядов, явно высматривая, есть ли чего стянуть, и Луна покрепче перехватила сумку.

И всё же парочку сытых лиц она заметила. У тех и одежда получше, и даже украшения поблёскивали. Бродяжки тоже оживились, но первый смельчак живо получил по рукам, и все разбежались.

Луна остановилась напротив постоянного двора. Краска на вывеске совсем выгорела, и название было не прочесть. У входа на привязи ждала всего одна лошадь.

Дверь скрипнула. Внутри стоял полумрак. Пламя слабо дрожало в лампах, балки над ними потемнели от копоти. На стенах, когда-то расписанных, теперь узнавались лишь смутные силуэты цветов. В камине тлели угли, на полке сверху выстроились в ряд статуэтки Богов — единственное, что не собрало слой пыли. Воздух был тяжёлый, пряный.

Большинство столов в зале пустовали. За одним — трое мужчин пили и перебирали костяшки с хитрыми символами. Игра была Луне не знакома, но звук шуршащих костяшек ей нравился: он почему-то успокаивал.

За другим сидели двое, постарше.

— Сколько там уже без дождя пошло? Третья неделя? — прокряхтел первый. — Поля как камень. Рис даже не колосится.

Второй потёр шею, вздохнул утомлённо.

— Не говори... У меня корова слегла. Вчера ещё жрала, а сегодня лежит, глаза стеклянные. Лекарь говорит, вода плохая.

— Сын вчера снова пустой пришёл. Сказал, если так дальше пойдёт — осенью голодать будем.

— Ну, всё же ритуал скоро...

— Думаешь, в храме помогут?

— Не знаю, но староста ж обещал. До этого ведь справлялись. Да, с трудом, но живы до сих пор как-то.

— Ну, будем молиться, что хоть на следующей неделе польёт. А с девицей той, дочкой повитухи, чего? Нашли?

— Да какое там! — отмахнулся его товарищ. — Волки, видать, снова лютуют. Не отыщут уже ничего...

От подслушанного разговора непроизвольно передёрнуло. Что же тут на самом деле творилось?

Луна прошла за стойку и в первый раз удивилась, что никто и головы в её сторону не повернул, не сказал ни слова. Хозяин, худой мужик с длинными седыми усами до подбородка, кивнул.

— Чего желаете?

Во рту и впрямь сильно пересохло с дороги. Голод тоже давал о себе знать, но от волнения кусок в горло не лез.

— Есть что-то освежающее, слабое или вообще не хмельное? В незнакомом месте лучше сохранить ясность ума.

Хозяин молча поставил чашку, налил из кувшина мутной белёсой жижи. Луна осторожно хлебнула — оказалось вкусно. Прохладный, сладковатый, с лёгкой кислинкой брожения, диковинным привкусом риса и имбиря, напиток ощущался, как прохладный бриз в жаркий день.

Молодой мужчина, сидевший рядом, хмыкнул.

— Мудрый выбор. Особенно для той, кто вознамерилась пойти на верную смерть.

Луна подняла голову, оглядела незваного собеседника: на вид лет двадцати пяти, едва ли сильно старше её самой, но, несмотря на смазливое лицо, покрытые грубыми мозолями и криво затянувшимися глубокими рваными ранами руки не давали обмануться. Из ножен виднелась рукоять меча, на рукаве — бурые следы вьёвшейся крови. На воина не похож... На плече — лисья шкура, из сумки торчал пушистый хвост. Охотник, стало быть?

Тот сидел чуть сгорблено, устало. Даже глаз на неё не поднял, всё в кружку пиялился. Сам-то хлестал явно что покрепче, а ей что-то высказывал.

— С чего взял? — огрызнулась она.

— Ну так на местную не тянешь. А с дальних краёв сюда нынче едут не часто и все за одним.

То, с какой уверенностью он говорил, раздражало. Неважно, прав или нет. Батист родным был, ему дозволено отчитывать, а этого в чужие дела лезть кто звал?

— Мой тебе совет, — продолжил он, — забудь. Пережди ночь и возвращайся, откуда пришла. Ну, или делай что хочешь, в лес только не суйся. Ничего хорошего там не найдёшь. А девки молоденькие тут и без того пропадают, сама слышала.

Она усмехнулась, коротко, зло.

— Точно, куда же я без непрошенных советов! Спасибо за заботу, конечно, но если бы хотела знать чьё-то мнение, сама бы спросила. Так что в следующий раз при себе оставь.

Охотник приподнял брови, но не обиделся и не обозлился. Просто улыбнулся, будто ничего иного в ответ и не ждал.

— Как скажешь. Но не говори потом, что не предупреждал.

Луна отвернулась, скривилась. Она солгала бы, сказав, что не страшилась Безмолвного леса, но теперь что-то внутри гнало туда лишь сильнее, назло, наперекор. Однако встречать в том проклятом месте ночь — в любом случае идея сомнительная. Прикончив свой напиток, Луна отставила чашку и махнула хозяину.

— Сколько за комнату?

— Пять медяков за ночь. Еда — отдельно.

Он кивнул на лестницу. Луна заплатила за ночлег и напиток и поднялась по крутым ступеням.

Комната была маленькая: постель, стол да крохотное окно с видом на горы. Снаружи уже стемнело, и город совсем затих. В этой бездыханной тишине ей показалось, что до ушей стали доноситься смех и... музыка?

Луна бросила сумку на пол, прошла к окну, прислушалась, распахнула ставни. Отсюда было отчётливо видно самый конец улицы, где дорога поднималась и уходила за высокую стену с украшенными резьбой воротами — владения городского старосты, стоило полагать. Кому ещё такие роскошества перепадут?

Звуки шли оттуда, тихие, приглушённые расстоянием, но отчётливые: флейта, струны, звенящие на диковинный лад, лёгкий смех. Как напоминание о том, что где-то здесь всё ещё теплилась жизнь. Там, за стеной огни светили ярко, в их свете можно было различить зелень двора, черепица блестела на ухоженных крышах. Как будто город разделился надвое: одна его часть медленно угасала, пока другая ещё ухитрялась цепляться за бывшее великолепие. Но кто знал, может, и там не всё было так просто?

Луна перевела взгляд обратно на горы, попыталась выцепить взглядом лес, но без толку, из комнаты не видать.

— Ладно, не денется же никуда. И я уж никуда не денусь... — пробормотала она в пустоту, упав на кровать. Солома зашуршала.

Но завтра. Всё завтра. А пока нужно было хорошенько отдохнуть.

Глава 3. Зов сумеречных троп

Сон на удивление был глубоким. Проснулась она, когда солнце уже стояло высоко, а потому задерживаться не стала. На завтрак только осталась. Заплатила вдвое больше, чем рассчитывала, за похлёбку, в кото

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.